

ТЕОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОИСКАХ ОБЪЯСНЕНИЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

© МОИСЕЕВА Д.Э., 2022

МОИСЕЕВА Дарья Эдуардовна, кандидат политических наук, научный сотрудник
отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ,
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (moiseeva.d17@gmail.com),
ORCID ID: 0000-0003-1575-4019

Моисеева Д.Э. Теория европейской интеграции в поисках объяснения дезинтеграции.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 2, сс. 37-44. DOI: 10.20542/afij-2022-3-37-44

DOI: 10.20542/afij-2022-3-37-44

УДК: 327→321.011.7(4)

Поступила в редакцию 12.08.2022.

После доработки 30.09.2022.

Принята к публикации 20.10.2022.

В статье критическому осмыслению подвергаются четыре классические теории европейской интеграции (реализм, неофункционализм, федерализм и либеральный межправительственный подход) на предмет того, каким образом они объясняют дезинтеграцию, ее причины и возможный итог. До недавнего времени европейские исследования крайне мало занимались изучением дезинтеграции. Несмотря на это, каждая из теорий способна внести свой вклад в ее объяснение, что может стать отправной точкой для дальнейшего изучения данного явления. Установлено, что теории европейской интеграции, обладая собственным видением причин для создания наднациональных режимов, по-разному трактуют и причины возможного распада или трансформации таких режимов. Реализм для объяснения причин интеграции и дезинтеграции оперирует концепциями безопасности, баланса сил, внешних угроз. Федерализм, напротив, концентрируется на внутривнутриполитической динамике стран-участниц с акцентом на общность интересов и ценностей, идеологию, экономическое неравенство, культурную и языковую однородность. Возможную дезинтеграцию ЕС федерализм объясняет как результат неправильного функционирования политической системы Союза. Ограничивающей чертой обеих теорий является государствоцентричность, которая преодолевается неофункционалистами. Последние представляли дезинтеграцию как многоуровневый и разнонаправленный процесс, который совершенно необязательно означает возвращение к национальному суверенитету в его полном объеме. Наконец, либеральный межправительственный подход видит дезинтеграцию как перераспределение властных полномочий, считая невозможным развернуть процесс вспять, к исходной точке отсчета. Каждая из классических теорий интеграции, столкнувшись с вызовом дезинтеграции, по-разному трактует причины и направленность этого процесса, но ни одна из них в отдельности не способна дать исчерпывающее объяснение данному явлению. Несомненно, необходима дальнейшая теоретизация дезинтеграции, где обращение к классическим теориям может послужить лишь отправной точкой.

Ключевые слова: теории европейской интеграции, дезинтеграция, Брекзит, Европейский союз, реализм, структурный реализм, неофункционализм, федерализм, либеральный межправительственный подход, децентрализация.

THEORIES OF EUROPEAN INTEGRATION IN SEARCHING FOR EXPLANATION OF DISINTEGRATION

Received 12.08.22. Revised 30.09.2022. Accepted 20.10.2022.

Daria E. MOISEEVA (moiseeva.d17@gmail.com), ORCID ID: 0000-0003-1575-4019,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

In this article, four classical theories of European integration (realism, neofunctionalism, federalism and liberal intergovernmentalism) are revised in order to figure out their understanding of disintegration, its causes and possible outcomes. Up until recently, disintegration has been of little concern to European studies. Nonetheless, each of the theories is capable of contributing to explaining the disintegration process, all together they give a proper theoretical starting point for further conceptualization of the phenomenon. The article makes it evident that different theories have their own visions of reasons for creating supranational regimes, just like they view possible causes of these regimes' downfall and transformation. Structural realism is finding the reasons for both integration and disintegration in the concepts of security, balance of power and outer threats. Federalism, on the contrary, focuses on internal political dynamics between member states and emphasizes common interests and values, ideology, economic inequality, cultural and linguistic homogeneity. Federalism explains possible EU disintegration through EU malfunctioning as a political system. Both aforementioned theories are limited by being state-centered, which cannot be said about neofunctionalism. Neofunctionalists imagine disintegration as a multi-level and multi-directional process that does not necessarily mean coming back to full national sovereignty. Finally, liberal intergovernmentalist approach views disintegration as a redistribution of power that cannot make a return to status quo ante. Each theory can provide us with its own insight on disintegration but can't provide an overwhelming explanation. Nevertheless, further theorizing with classical theories as a starting point is yet to be done.

Keywords: theories of European integration, disintegration, Brexit, European Union, realism, structural realism, neofunctionalism, federalism, liberal intergovernmentalism, decentralization.

About the authors: Daria E. MOISEEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Department of International Political Problems, Group of Institutional Problems of International Relations.

Классические теории европейской интеграции вот уже несколько десятков лет “мирно покоятся” на страницах учебников для студентов, не вызывая бурных дискуссий среди ученых о будущем единой Европы. Реализм, неофункционализм, федерализм и либеральный межправительственный подход так часто подвергались критике за свою неспособность объяснить кризисы интеграции новейшего времени, что всякие попытки актуализировать данные теории казались бессмысленными. Закономерно им на смену пришли новые подходы и теоретические рамки, среди которых наиболее продуктивными себя показали неоинституционализм, организационные теории, многоуровневое управление и постфункционализм.

Сегодня представление о развитии европейской интеграции как о движении от одного кризиса к следующему стало мейнстримом [1]. Однако так было далеко не всегда. В связи с этим растет необходимость теоретического осмысления данных кризисных явлений, будь то кризис еврозоны, миграционный кризис, Брекзит и даже реакция ЕС на актуальные события на Украине.

На данный момент еще не сформировалось общепринятого понимания, какие явления следует относить к дезинтеграции или децентрализации, и действительно ли они угрожают существованию Европейского союза и, если да, то в какой мере и в каких проявлениях. Перед автором не стоит задачи дать однозначное определение дезинтеграции – такая тема

заслуживает отдельного исследования. Отметим лишь, что на данный момент единственным бесспорным явлением дезинтеграции является выход Великобритании из ЕС. Все иные явления, включая атомизацию, асимметрию, децентрализацию и т.д., по-разному трактуются теориями интеграции и частично будут освещены ниже. В данной статье мы обратимся к истокам, к классическим теориям европейской интеграции на предмет объяснения явлений дезинтеграции. Настоящая работа дает ответы на два исследовательских вопроса: как разные теории интеграции представляют (и объясняют) процесс, обратный интеграции, и какой вклад они могут внести в наше понимание дезинтеграции. Для этого будут рассмотрены реализм, неофункционализм, федерализм и либеральный межправительственный подход.

Нужно признать, что до последнего времени европейские исследования в целом не уделяли должного внимания вопросам дезинтеграции, концентрируясь главным образом на факторах, объясняющих развитие и направление интеграции, или замедление темпов интеграции, или трансформацию ЕС в целом [2]. Беглый обзор интеграционных теорий показывает, что вопрос о том, как и почему ЕС прекратит свое существование и что останется после него, едва ли всерьез рассматривается, поэтому здесь все еще остается широкое поле для теоретических изысканий. Справедливости ради отметим, что отдельные вызовы интеграции, такие как евроскептицизм [3], проблемы расширения и внешней политики [4], миграционные [5] и финансовые кризисы [6], не говоря уже о Брекзите [7] и пандемии COVID-19 [8], описаны достаточно подробно как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Исследования дифференцированной интеграции [9] объясняют существование нескольких интеграционных форматов внутри ЕС и разную степень вовлеченности стран-участниц в интеграционные процессы, но опять же не объясняют, может ли интеграция пойти вспять.

Осмысление процесса европейской дезинтеграции логично начать с обращения к классическим теориям. Сразу обозначим, что ни одна из них не дает полноценной концептуализации явлению, обратному интеграции. Вместе с тем, каждая из них способна вложить по кирпичику в фундамент общего понимания.

Сторонники **реализма** в международных отношениях всегда высказывали крайне скептическое отношение к международному сотрудничеству, которое, по их мнению, не может длиться долго. Рано или поздно анархия придет на смену совместным действиям, и каждый будет сам за себя (*self-help system*). В целом для реалистов успех европейской интеграции стал большим сюрпризом и причиной для обоснованной критики. Главным мотивом для сотрудничества **структурные реалисты** всегда считали безопасность, поэтому процессы интеграции и дезинтеграции рассматривались сквозь эту призму. Дж. Миршаймер полагал, что европейский проект во многом обязан своим успехом холодной войне между двумя великими державами. Европейское сообщество выступало в роли контр-балансира, не позволяя (и опасаясь) чрезмерного вмешательства США в дела Европы и одновременно сдерживая распространение "советской угрозы". Такие достижения интеграции, как единый рынок и общая валюта, рассматривались реалистами как попытки сбалансировать на международном уровне экономическое влияние Японии и США в 1980-е годы.

Согласно логике **структурного реализма**, окончание противостояния США–СССР (и контроля над ядерным вооружением) должно было повлечь за собой перспективу распространения ядерного оружия среди стран Европы, снижение уровня доверия, постепенно перерастающее в анархию и, как следствие, конец интеграции [10]. Однако этого не произошло, и после окончания холодной войны Европейский союз не только продолжил свое существование, но и неоднократно расширил границы. С точки зрения другого структурного реалиста, С. Розато, распад СССР отменял основную причину, заставлявшую страны Европы частично отказываться от своего суверенитета [11]. Но, по-видимому, дело не только в СССР как внешней угрозе и главной причине интеграции, поскольку отмена этой причины не повлекла за собой дезинтеграцию ЕС.

После окончания холодной войны **неореалисты** видели объяснение продолжающейся интеграции (особенно в сфере общей безопасности) в том, что внимание США было отвлечено от Европы другими внешними угрозами, в частности, борьбой с

терроризмом и экономическим укреплением Китая. США больше не могли быть гарантом для западных европейских стран, поэтому интеграция в сфере безопасности продолжилась с еще большим энтузиазмом. Среди основных достижений ЕС периода после холодной войны – совместное принятие экономических санкций против третьих стран, образование новых институтов общей внешней политики и политики безопасности, совместное производство оружия и многостороннее использование военной силы [12]. Неореалисты оценивали такое продвижение в интеграции как противостояние однополярному доминированию США на международной арене и как желание укрепить свою автономию от США в качестве глобального игрока. Интеграция в военной сфере не должна была быть форсированной, дабы не раздражать США, от которых ЕС продолжал зависеть, поскольку именно Соединенные Штаты поддерживали сложившийся экономический порядок в мире, равно как и систему международной безопасности [13; 14]. Однако заключение неореалистов о стремлении ЕС сбалансировать влияние США наталкивается на ряд противоречий, главное из которых – снижение расходов Евросоюза на оборонные нужды с 1.6% ВВП в 1995 г. до 1.3% ВВП в 2020 г.¹ Другое противоречие заключается в отсутствии неопровержимых доказательств относительно мотивов отдельных стран ЕС. При более детальном рассмотрении выясняется, что их внешнеполитические стратегии (в том числе в выстраивании отношений с США) всегда были достаточно неоднородны: от ограничения суверенитета в обмен на безопасность (*bandwagoning*) до молчаливого неучастия [15]. То есть тезис реалистов о том, что в схожих обстоятельствах государства ведут себя одинаково, оказался несправедлив для стран ЕС.

“Зацикленность” реалистов на балансе сил, международной иерархии, безопасности, суверенитете и доминировании сужает смысл процессов (дез)интеграции до довольно упрощенной схемы: стремления стран объединяться против того, кто сильнее, и бороться за возвращение суверенных полномочий, когда угрозы больше нет. На практике этого не происходит. Реализм многократно подвергался критике за ограниченность своего видения причин интеграции и дезинтеграции. Однако интерес к подобным концепциям не только имеет место, но пользуется популярностью в определенные исторические периоды. Начало специальной военной операции на Украине в 2022 г. вдохнуло жизнь в риторику реалистов, которая все же может быть лишь частично справедлива в отношении такого либерального по своей сути проекта, как ЕС.

Иное видение и иные акценты предлагает **федерализм**. С позиции этой теории в структуру ЕС по умолчанию был встроен набор ограничений, сдерживающих центробежное поведение его участников и одновременно поощряющих выполнение взятых на себя обязательств. Примером таких ограничений является необходимость соответствия (*compliance*) союзным правилам и регулированию для получения доступа к общему европейскому рынку. Таких встроенных ограничений в структуре ЕС довольно много, поскольку стремление к единообразию – один из главных принципов общеевропейского пространства.

Сильной стороной федерализма является то, что, в отличие от других классических теорий, он предлагает более комплексный подход к исследованию факторов, способствующих как образованию, так и распаду федеративных систем, в том числе многонациональных [16; 17]. Объясняется это наличием достаточно обширных исследований федерализма, коими богата европейская политическая традиция. Здесь последователи теории федерализма по-разному расставляют акценты над причинами возможной дезинтеграции ЕС. Так, одну из главных угроз целостности ЕС федерализм видит в отсутствии по-настоящему европейских трансграничных политических партий, которые обладали бы потенциалом для разрешения межнациональных противоречий [18]. Пока граждане ЕС продолжают идентифицировать себя с отдельными странами-членами, появление по-настоящему “федеративной культуры” (которая служила бы гарантом единства) маловероятно. Вместе с тем ЕС просуществовал несколько десятков лет в условиях доминирования национальных партийных систем, и это не привело к его дезинтеграции. Среди других угроз или факторов, влияющих на степень

¹ Government Expenditure on Defence. Eurostat. Statistics Explained. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Government_expenditure_on_defence#Evolution_of_.27defence.27_expenditure_over_1995-2020 (accessed 08.08.2022).

(дез)интегрированности, федералисты выделяют общность интересов и ценностей, идеологию, экономическое неравенство, культурную и языковую однородность, приверженность элит учредительным соглашениям, гарантии автономии федеральных единиц и т.д. Поэтому, если подходить к исследованию процессов (дез)интеграции в ЕС с позиций федерализма, то первоочередной задачей представляется исследование факторов, влияющих на эти процессы.

Еще одним преимуществом федерализма являются исследования централизации и децентрализации, проливающие свет на разницу данных явлений с интеграцией и дезинтеграцией. Любая политическая система, в том числе федерация (ЕС безусловно обладает признаками федерации), одновременно проявляет черты и централизации, и децентрализации, например, в виде неоднородного распределения бюджетов и полномочий между разными уровнями власти. Но это не является дезинтеграцией, поскольку игроки не нарушают договорную основу своих отношений. Единственным прецедентом дезинтеграции остается выход Великобритании из ЕС, в остальных случаях можно говорить об асимметричном федерализме (в терминах ЕС – дифференцированная интеграция), централизации или децентрализации, сессии субъектов и несоблюдении (*non-compliance*) отдельных принципов и требований федерального центра [18]. Федерализм подводит черту между истинной дезинтеграцией, когда базовые правила игры (в случае ЕС – *acquis communautaire* – система права, которая распространяется на все страны Союза) больше не действуют, и другими явлениями, свойственными всем федерациям, когда игроки следуют правилам неоднородно. При этом выход из федерации одного или нескольких участников совсем не обязательно ведет к развалу всей федерации.

В целом, федерализм показывает себя достаточно подготовленным к объяснению явлений дезинтеграции. Объясняется это имеющимся теоретическим заделом в изучении факторов образования, поддержания и распада федераций, чему хватает эмпирических примеров в истории от Священной Римской империи до Советского Союза. Несоответствие кроется в том, что данные федерации представляли собой единое государство, а не наднациональный союз государств, как в случае с ЕС. Поэтому главным ограничением в случае с федерализмом остается его государствоцентричность.

Если рассматривать процесс дезинтеграции с позиций **неофункционализма**, то вновь обнаруживается крен в сторону государствоцентризма. То есть интеграция означает частичный отказ от суверенитета, а дезинтеграция – его возвращение. Такое представление процесса интеграции является линейным и однонаправленным, а дезинтеграция, соответственно, такой же линейный процесс, но только в обратном направлении. Для его обозначения неофункционалистами был введен концепт “обратного потока” (*spill-back*) – противоположность “перетеканию” (*spill-over*), означающему поступательное распространение интеграции от одной сферы политики к другой. “Обратный поток” означает ситуацию, при которой страна-участница в силу разных причин более не готова поддерживать общее европейское регулирование (например, из-за роста внутри страны политического противостояния углублению интеграции в ее технократических аспектах) [19]. Иными словами, “обратный поток” – это выход из ранее установленных форматов, правил и обязательств. При этом властные полномочия и политическая акторность по умолчанию переходят с общеевропейского уровня на уровень национального государства, то есть линейно.

Поздние неофункционалисты стали рассматривать Европейское сообщество как систему, которая переживает разные трансформации в своем развитии. Поэтому дезинтеграция уже не представлялась как явление, обратное интеграции, а “обратный поток” стал означать сворачивание специфических обязательств и отсутствие принудительного следования общим правилам сообщества [20]. Дезинтеграция совершенно не обязательно означает возвращение *status quo ante*, то есть возвращение суверенитета национальным государствам. Гораздо более вероятно перенаправление и перераспределение властных полномочий в другое русло, образование иных форм политических формирований. Неофункционалисты 1970-х годов и их последователи были первыми, кто сместил фокус внимания с национального суверенитета и представил процесс дезинтеграции именно как перераспределение властных полномочий. При этом

слабой стороной данной теории является недостаточное внимание к роли национальных правительств в процессах (дез)интеграции.

Другая классическая теория европейской интеграции – **межправительственный подход** – возникла во многом в качестве ответа на критику неофункционализма, который не мог объяснить спад темпов интеграции в 1960-х годах. С. Хоффманн, яркий теоретик данного подхода, подчеркивал особую роль национальных государств в продвижении интеграции, в особенности Франции и Германии. Международное сотрудничество предстает не вынужденной мерой из-за необходимости сбалансировать растущее влияние других игроков, как это постулирует реализм, а добровольной стратегией, средством для достижения общих целей (интересов), которые по одиночке странам достичь было бы затруднительно, если вообще возможно.

Продолжателем идей Хоффманна стал А. Моравчик, развивавший либеральный межправительственный подход к пониманию европейской интеграции. Двигателем сотрудничества между странами выступают решения, совершаемые на межправительственном уровне. Именно правительствам отводится ключевая роль в интеграции. Согласно А. Моравчику, растущая экономическая взаимозависимость и вытекающая отсюда необходимость согласованности решений сыграли фундаментальную роль в продвижении интеграции по крайней мере с конца 1950-х по начало 1990-х годов. И наоборот, снижение экономической взаимозависимости между странами ЕС является первопричиной для дезинтеграции. Таким образом, дезинтеграция понимается как снижение уровня взаимодействия между странами, спад координации политики и также является следствием межправительственного переговорного процесса. Однако, принимая во внимание ту степень институционализации, которой достиг ЕС, цена за выход становится выше, чем поддержание статус-кво, что является сдерживающим фактором для национальных правительств, и прецедент Брексита стал хорошим уроком для потенциальных кандидатов покинуть Союз.

Заслугой сторонников межправительственного подхода в продвижении понимания причин дезинтеграции является то, что они обратили внимание на разнообразие и переменчивость национальных интересов и выявили важность для сотрудничества широкого круга вопросов, отличных от безопасности, опровергнув тем самым доводы реалистов о функциональной схожести всех стран и внешней угрозе как единственного повода для сотрудничества [21]. Другими словами, (дез)интеграция зависит от гораздо большего количества факторов, нежели только “перетекание” или баланс сил, как это полагали неофункционалисты и реалисты соответственно. Более того, интергouverнменталисты отказались от ожидания, что в случае дезинтеграции все возвращается на круги своя, и государства вновь получают суверенитет. А. Моравчик полагал, что дезинтеграция, полная или частичная, не вернет все назад к исходной точке – с наибольшей вероятностью на смену ЕС придет другой режим межправительственного сотрудничества. Несмотря на такое достаточно прорывное умозаключение, межправительственный подход, как и другие теории, тяготеет к государствоцентризму, что является его ограничением. В логике межправительственного подхода, национальные государства и правительства остаются главными акторами и агентами (дез)интеграции, хотя в более поздних эмпирических исследованиях было продемонстрировано, что интеграция размывает не только территориальные границы, но фактически лишает государства монополии на легитимное насилие и контроля над денежно-кредитной политикой [22; 23].

* * *

Трансформации, которые переживает ЕС в настоящее время, бросают вызов теориям европейской интеграции, поскольку те оказались не слишком подготовленными, чтобы объяснить происходящее. И все же обращение к классическим теориям европейской интеграции с целью осмысления трансформации ЕС важно, поскольку делает наше представление о сути этих процессов более полным. Длительное время проблематика распада интеграционного формирования была вне поля исследования ученых. По отдельности ни одна из классических теорий европейской интеграции не способна

предоставить всеобъемлющего объяснения процесса, обратного интеграции. Однако все вместе рассмотренные теории способны образовать некий фундамент общего понимания того, каковы могут быть причины, ход и формат дезинтеграции.

Первый и самый важный вывод: дезинтеграция не есть интеграция со знаком минус, дезинтеграция не линейна и не способна вернуть участников интеграции к той точке, с которой они начинали. Пожалуй, общим ограничением классических теорий является их государствоцентризм – представление о том, что национальные государства являются доминирующим политическим форматом. На заре европейской интеграции национальные государства действительно считались единственными акторами международных отношений, но развитие самой интеграции со временем переломило эту парадигму. Поэтому тезис о том, что дезинтеграция является возвращением к формату территориального государственного устройства, иными словами, интеграция вспять, весьма сомнителен. Даже если принять тот факт, что национальные правительства останутся ключевыми игроками на европейском пространстве, остается неясным, почему государства должны обязательно вернуться к тому формату организации власти, от которого они отказались несколько десятилетий назад.

О том, что дезинтеграция не может быть возвращением к *status quo ante*, первыми сказали неофункционалисты. Данная идея получила развитие в межправительственном подходе: А. Моравчик заявил, что дезинтеграция будет означать не возвращение, а перераспределение властных полномочий, которые государства когда-то передали на наднациональный уровень. При этом возможно создание иного транснационального режима. Брексит подтвердил этот вывод: выход Великобритании не вернул все на круги своя, а запустил новые процессы регулирования и институционализации [24; 25]. На что прямо указано в Соглашении о выходе Великобритании из ЕС и сопутствующей ему Политической декларации: “Период членства Соединенного Королевства в ЕС привел к высокой степени интеграции экономик обеих сторон, а также к переплетению прошлого и будущего людей и приоритетов ЕС и Соединенного Королевства. В будущих отношениях неизбежно потребуются учитывать этот уникальный контекст”².

Второй вывод: дезинтеграция, как и интеграция, является многовекторным и разнонаправленным процессом, который определяется множеством внешних и внутренних факторов. Реализм в объяснении (дез)интеграции концентрируется на таких внешних факторах, как угроза безопасности и баланс сил. Хотя данные причины нельзя назвать единственными или определяющими для (дез)интеграции, они, безусловно, должны быть учтены. Федерализм, напротив, делает акцент на внутривнутриполитических причинах, рассматривая ЕС как целостную политическую систему. Неофункционализм обращает наше внимание на невозможность в случае с интеграцией “отыграть назад” и представляет дезинтеграцию как перенаправление и перераспределение властных полномочий. Межправительственный подход делает акцент на важности политической воли со стороны национальных правительств. Таким образом, каждая из теорий интеграции способна предложить свои инсайты для последующих теоретических изысканий. Однако ни одна из них не дает однозначного ответа на самый важный вопрос: почему политические акторы отказываются от формата территориального государства в пользу наднационального формирования и, наоборот, почему некоторые из них решают вернуться к такому формату.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Eppler A., Anders L.H., Tuntschew T. *Europe's Political, Social, and Economic (Dis-) Integration: Revisiting the Elephant in Times of Crisis*. IHS Political Science Series. Working Paper no. 143. 2016. 28 p. Available at: https://aei.pitt.edu/86060/1/wp_143.pdf (accessed 08.08.2022).
2. Taylor P. *The End of European Integration: Anti-Europeanism Examined*. London, Routledge, 2008. 200 p.
3. De Vries C.E. *Euroscepticism and the Future of European Integration*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 272 p.
4. *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Москва, Весь Мир,

² Political Declaration Setting out the Framework for the Future Relationship Between the European Union and the United Kingdom (2019/C 384 I/02). *Official Journal of the European Union*. 12.11.2019. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12019W/DCL\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12019W/DCL(01)&from=EN) (accessed 08.08.2022).

2020. 368 с. [*EU Strategic Autonomy and Prospects for Cooperation with Russia*. Moscow, Ves` Mir, 2020. 368 p. (In Russ.)]
5. Потемкина О.Ю. После кризиса: “Новый старт” миграционной политики ЕС. *Современная Европа*, 2019, № 6. сс. 18-29. [Potemkina O.Yu. After the Crisis: ‘A New Start’ of the EU Migration Policy. *Contemporary Europe*, 2019, no. 6, pp. 18-29. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829>
 6. Бажан А.И. *Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты*. Москва, Институт Европы РАН, 2018. 74 с. [Bazhan A.I. *Prospects for European integration: Monetary and Financial Aspects*. Moscow, Institute of Europe RAS, 2018. 74 p. (In Russ.)] Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/359.pdf> (accessed 08.08.2022).
 7. Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции. *Современная Европа*, 2020, № 2, сс. 20-32. [Butorina O.V. The Shrinking of the European Union and Its Integration Capability. *Contemporary Europe*, 2020, no. 2. pp. 20-32. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220202032>
 8. Энтин М.Л. Безальтернативный характер развития ЕС. *Современная Европа*, 2020, № 4, сс. 25-36. [Entin M.L. Unalternative Character of EU Development. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 25-36. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420202536>
 9. Бабынина Л.О. Интеграционные форматы в Европе и пределы европеизации. *Европа XXI века: новые риски и вызовы*. Громько А.А., Федоров В.П., ред. Москва, Нестор-История, 2017, сс. 145-162. [Babynina L.O. Integration Formats in Europe and the Limits of Europeanization. *Europe of the XXI Century: New Risks and Challenges*. Gromyko A.A., Fedorov V.P., eds. Moscow, Nestor-Istoriya, 2017, pp. 145-162. (In Russ.)]
 10. Mearsheimer J.J. Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War. *International Security*, 1990, vol. 15, no. 1, pp. 5-56.
 11. Rosato S. Europe’s Troubles: Power Politics and the State of the European Project. *International Security*, 2011, vol. 35, no. 4, pp. 45-86.
 12. Giegerich B., Wallace W. Not Such a Soft Power: The External Deployment of European Forces. *Survival*, 2004, vol. 46, no. 2, pp. 163-182. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396330412331343713>
 13. Новикова О.О. Европейский Союз в системе международной безопасности: новые инструменты кризисного урегулирования. *Полис. Политические исследования*, 2008, № 4, сс. 174-184. [Novikova O. The European Union in the System of International Security: New Tools for Crisis Management. *Polis. Political Studies*, 2008, no. 4, pp. 174-184. (In Russ.)] Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2008/4/14.pdf> (accessed 08.08.2022).
 14. Ringsmose J. Balancing or Bandwagoning? Europe’s Many Relations with the United States. *Contemporary Security Studies*, 2013, vol. 34, no. 2, pp. 409-412. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2013.808075>
 15. Pohl B. Neither Bandwagoning nor Balancing: Explaining Europe’s Security Policy. *Contemporary Security Policy*, 2013, vol. 34, no. 2, pp. 353-373. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2013.805932>
 16. Glencross A. *What Makes the EU Viable? European Integration in the Light of the Antebellum US Experience*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 232 p.
 17. Haldén P. *Stability without Statehood: Lessons from Europe’s History Before the Sovereign State*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009. 223 p.
 18. Kelemen R.D. Built to Last? The Durability of EU Federalism. *Making History: European Integration and Institutional Change at Fifty*. Meunier S., McNamara K.R., eds. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 51-66.
 19. Haas E.B. The Uniting of Europe and the Uniting of Latin America. *Journal of Common Market Studies*, 1967, vol. 5, no. 4, pp. 315-343.
 20. Lindberg L.N., Scheingold S.A. *Europe’s Would-Be Polity: Patterns of Change in the European Community*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1970. 314 p.
 21. Moravcsik A. Did Balance of Power Politics Cause European Integration? Realist Theory Meets Qualitative Methods. *Security Studies*, 2013, vol. 22, no. 4, pp. 773-790.
 22. Стрежнева М.В. *Экономический и валютный союз в Европе: проблемы эффективности и легитимности*. Москва, ИМЭМО РАН, 2018. 150 с. [Strezhneva M.V. *Economic and Monetary Union in Europe: the Problems of Effectiveness and Legitimacy*. Moscow, IMEMO, 2018. 150 p. (In Russ.)] Available at: https://www.imemo.ru/files/File/publ/2018/2018_20.pdf (accessed 08.08.2022).
 23. Herschinger E., Jachtenfuchs M., Kraft-Kasak C. Scratching the Heart of the Artichoke? How International Institutions and the European Union Constrain the State Monopoly of Force. *European Political Science Review*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 445-468. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577391100004X>
 24. Кавешников Н.Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнер. *Современная Европа*, 2018, № 6, сс. 18-29. [Kaveshnikov N.Yu. United Kingdom and European Union: A Long History of Divorce. Part 2. An Awkward Partner. *Contemporary Europe*, 2018, no. 6, pp. 18-29. (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620181829>
 25. Стрежнева М.В. Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита. *Вестник МГИМО-Университета*, 2022, № 3, сс. 39-60. [Strezhneva M.V. Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2022, no. 3, pp. 39-60. (In Russ.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60